

The fisherman replies: «Because I caught enough this morning.»

«But just imagine,» the tourist says, «you would go out there three or four times a day, bringing home three or four times as much fish! You know what could happen?» The fisherman shakes his head. «After about a year you could buy yourself a motor-boat,» says the tourist. «After two years you could buy a second one, and after three years you could have a cutter or two. And just think! One day you might be able to build a freezing plant or a smoke house, you might eventually even get your own helicopter for tracing shoals of fish and guiding your fleet of cutters, or you could acquire your own trucks to ship your fish to the capital, and then...»

«And then?» asks the fisherman.

«And then», the tourist continues triumphantly, «you could be calmly sitting at the beachside, dozing in the sun and looking at the beautiful ocean!» The fisherman looks at the tourist: «But that is exactly what I was doing before you came along!»

In the constant chase of tomorrow, success, profit or opportunities we abandon the beauty of today. We may have plenty of things, but be poor in time. And it is the time that enables us to get non-material satisfaction from life. The full value of goods and services as well as of communication can only be experienced when they are given attention, it means being connected to things and people and not just consuming or using them. It means actually preparing dinner and not just ordering pizza, writing your own congratulation on a post-card but not just signing it, playing games yourself and not just watching them on TV, planting your own tomato or picking up berries yourself, not just buying them, planning trips yourself and not just buying offered package tours, staging a play with your friends or drawing pictures or...or...Otherwise there is a danger of us being transformed into pervasive consumers of both material and non-material sides of our being – painting, literature, theater as well as food, clothes- I would say not incapable but unwilling and lazy of creating something of our own world of ideas.

Therefore «Live Your Life, Don't Spend It» – a motto of Buy Nothing Day, which is becoming more and more vital for our society.

ДИСКУРСЫ ВЛАСТИ И ТЕЛА В ГЕНЕАЛОГИИ М. ФУКО

О. Жук

Современная философия стремится избежать ограниченности традиционной теории субъективности и придать привычным понятиям, как, например, <сознание>, <значение> или <личность> пространственно-телесные очертания. Преодолевая психологизм и абсолютизацию соци-

альной структуры, она помещает субъекта в тело, и делает тело элементом такой теории отношений, где индивиды становятся объектами-позициями в серии различных социальных взаимодействий.

Одним из наиболее влиятельных философов современности, мыслящих в топологическом ключе, должен быть назван М. Фуко (1926–1984). Интерес к нему вызван особой постановкой им проблемы соотношения <мест> и <тел> в пространственной множественности социальных отношений. В целом Фуко понимается как «пороговая» фигура, с которой «современная критическая социальная теория в известной мере начинается» [12, с. 20]. Одно из положений данной теории, отмеченное Владимиром Фурсом, может быть сформулировано в виде следующего тезиса: «социальная жизнь – это вся реальность», которая поглощает такие прочные прежде единства как личность и природа. Причем иначе начинает пониматься сама социальная жизнь: как образуемая сплетениями разнообразных практик [12, с. 26].

Мишель Фуко позволил себе определить общество как продукт исторически выработанных и взаимообусловленных социальных и телесных практик. Их исследование на микроуровне социальной жизни (дисциплина тела, классификация удовольствия, ритуал исповеди, локализация секса и т.п.), напрямую подводит исследователя-Фуко к разработке собственной оригинальной концепции о природе власти, которая, существуя в модусе самосокрытия, обнаруживает свои подлинные «намерения» на микроуровне социальной жизни, на поверхности кристаллизуясь в государственные институты и социальные гегемонии» [2, с. 128]. При рассмотрении данной теории надо иметь в виду, что «понятие власти не носит у Фуко равнозначно негативного смысла, оно скорее имеет характер фатальной неизбежности» [3, с. 73]. В работе «Надзирать и наказывать» он требует «раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах: она, мол, «исключает», «маскирует», и «подавляет», и «цензурует», и «скрывает». (...) На самом деле, власть производит реальность; она производит *область объектов* и ритуалы истины», причем, «индивид и знание, которое может получить об индивиде, также принадлежит к ее продукции» [11, с. 284]. Такое толкование власти противостоит классическому представлению о власти, где последняя рассматривалась строго в категориях «властвующего» и «подчиненного», была привилегией государства и носила негативный характер, то есть подчиняла, запрещала и принуждала.

Правда, данное позитивное толкование власти было сформулировано Фуко позднее, во второй период – так называемый период «генеалогии власти», по классификации Автономовой [1, с. 361–363]. Ранее же пони-

мание власти Фуко было несколько иным – к примеру, Тереза де Лауретис работает с фукольдианским понятием власти как «представляющей собой продуктивную силу, которая проникает в тело социума в виде сети дискурсов и одновременно производит формы знания и формы субъективности или то, что называется субъектами общества» [6, с. 353]. Но уже здесь власть не фигурирует в традиционно отрицательном институциональном качестве, хотя и не носит еще автономного характера. Такая трактовка власти характерна для первого этапа творчества Фуко – «археологического периода», который укладывается еще в рамки структуралистской теории, где постулируется отрицание субъекта.

Как пишет в связи с этим Саруп, «работы Фуко 1960-х гг. фокусировались на проблемах языка и конструирования субъекта в дискурсе. Индивидуальный субъект был пустой сущностью, пересечением дискурсов. В более поздних работах Фуко перешел с позиции лингвистической детерминированности на ту точку зрения, что индивиды конституируются властными отношениями» [3, с. 73]. А связка понятий «власть–знание–субъект», явившаяся правомерным логическим развитием идеи об эпистеме как принципе контроля над производством дискурса, продолжает успешно функционировать во всех последующих работах Фуко, оставаясь своего рода флагманом его теории об обществе, культуре и существовании человечества в целом. При этом важно то, что археология знания включена в качестве одного из приемов при создании генеалогии власти: последняя производит знание, они непосредственно предполагают друг друга, то есть, нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти. С точки зрения Фуко, «познающий субъект, познаваемые объекты и модальности познания представляют собой проявления этих фундаментальных импликаций отношения «власть – знание» и их исторических трансформаций» [4, с. 489].

Необходимо отметить, что при разработке проблемы «генеалогии власти» на Фуко оказал несомненное влияние Ницше (взять хотя бы само название, апеллирующее к ницшеанским понятиям «генеалогия морали» и «воля к власти»), что отразилось в критической работе «Ницше, генеалогия, история» (1971). Но если у Ницше – одного из трех мэтров недоверия – особую власть приобретает отдельная выдающаяся личность, которая посредством определенной тактики укореняет мораль и социальные институты, то, с точки зрения Фуко, ни отдельный субъект, ни народные массы не могут ничего решать и влиять на ход истории (Истории): они возникают в одно и то же время с теми отношениями, которые складываются между ними этими отношениями определяются. То есть

отношения господства и подчинения существуют вне всякой привязки к определенным субъектам, они не закрепляются за последними раз и навсегда, а представляют собой роли в различных ритуалах, навязанных *анонимной* властью.

Фуко отказывается от поисков истоков власти, а также, в целом, от работы с понятием власти на уровне социального намерения ее применить и концентрирует свое внимание на механизмах ее внешнего проявления и внутреннего самоконтроля, на формировании субъекта как результата ее воздействия. «Власть, как желание, бесструктурна, фактически Фуко и придает ей характер слепой жажды господства, со всех сторон окружающей индивида и сфокусированной на нем как на центре применения своих сил» [3, с. 75]. Вышеупомянутый Саруп критикует фукольдианское понятие «власти», указывая на то, что «власть не является ни институтом, ни структурой, ни некой силой, которой наделены отдельные люди; это имя, данное комплексу стратегических отношений в данном обществе» [3, с.75].

Таким образом, все социальные отношения – реально существующих людей в определенном месте (= пространство) – являются властными отношениями. Власть же понимается Фуко как «нечто гораздо более сложное, чем какая-либо совокупность законов или какой-то государственный аппарат» [10, с. 236], власть которого «основывается на других видах власти и как раз они позволяют государственной власти существовать»; эти разнообразные «властные отношения действуют независимо от индивидов, в руках которых сосредоточена государственная власть» [7, с.319]. То есть власть «безлика», безлична, индифферентна и бессознательна. Впрочем, как и история: Фуко пишет в статье «Ницше, генеалогия, история» (1971) о том, что силы, действующие в истории, не подчиняются ни предначертанию, ни механизму, но лишь превратности борьбы. Они не выказывают себя последовательными формами первоначальной интенции, они не имеют значения результата, они всегда проявляются в уникальной случайности события [7, с. 88–89]. «Генеалогия власти – это артикуляция тела и истории. Она должна показать тело, испещренное историей, и историю, разрушающую тело» [8, с. 84]. Власть над телами способствует постоянному приращению знания и бесконечной модификации техник власти, изменяющихся на протяжении всей «действительной» истории, которая и является не чем иным как «историей власти» и, так же как и власть, представляет собой «случайность», некий риск, всегда проистекающий из воли к могуществу, игру.

Логическим результатом данного режима власти/знания стала концепция и феномен «Человека», вокруг которых в конце восемнадцатого –

начале девятнадцатого века возникла дисциплинарная сеть так называемых гуманитарных наук, создавших в итоге дисциплинарное общество. При разработке своей концепции о дисциплинарном обществе Фуко прописывает ее на примере развития европейского общества (Франции XVII–XVIII веков) и ключевых для него фигурах «врача» и «военного», которые «в XVIII ст. стали первыми распорядителями общественного пространства и тела» [10, с. 226].

Фигуры «врача» и «военного» образуют как бы два полюса власти, между которыми располагается целая сеть промежуточных форм. Первый полюс – это власть над телом как особью биологического вида и связанными с ним биологическими процессами: размножением, рождением и смертью, выражающимися в показателях здоровья, продолжительности жизни и пр. В этой сфере власть осуществляется в виде регулирующего контроля: биополитика популяции. Второй полюс («военный») – власть над телом как машиной: его дрессировка, использование его сил и способностей, увеличение его полезности и управляемости, включение в системы контроля. Для этого развивается целая система различных дисциплинарных институтов – казармы, школы, колледжи, мастерские. В связи с этой системой институтов складываются определенные системы знаний о человеке, характеризующиеся Фуко как «политическая анатомия человеческого тела» [5, с. 14].

Таким образом, во многом фукольдианский механизм формирования «индивидуальности» – это результат работы, во многом связанной непосредственно с анализом фигуры и положения «военного», который переносится им в целом на общество, распространяя и укореняя здесь свою специфическую «военную» терминологию. Поэтому, кажется вполне закономерным понимание заявленной Фуко концепции «дисциплинарной власти» не только как следствие интереса автора к проблематике взаимоотношения общества с «безумцем», как это трактует Ильин [3, с. 83], но и как следствие интереса, связанного с понятием «военного». Хотя, конечно, нельзя отрицать тот факт, что Фуко «больше продвинулся в выявлении социального генезиса «испытываемой природы», точнее, природы в нас самих: безумие, сексуальность и т.п., которые представляют собой не природные постоянные, а переменные, конкретно-историческое значение, которых зависит от социальных практик» [12, с. 29].

В книге «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» Фуко дает понять, что именно в перспективе общего образца войны рассмотрение власти в качестве отношения сил является наиболее вероятным. Фуко лишь намечает, не прорабатывая ее детально, идею о том, что война – шифр к миру, а ее история – история матриц государства. «Войну необ-

ходимо открыть не только как принцип объяснения, необходимо восстановить ее в действии» [9, с. 216]. Фуко в одном из поздних своих интервью говорит о том, что в определенный момент «государство, оснащенное военными учреждениями, постепенно подменило собой общество, полностью пронизанное военными отношениями» [9, с. 212–213], притом возник особый тип дискурса об отношениях, о связях вокруг общества и войны, сделавший войну постоянной основой всех властных отношений. В работе «Ницше, генеалогия, история» Фуко утверждает мысль о том, что человечество немедленно прогрессирует от битвы к битве, оно встраивает каждое из насилий в систему правил, идя, тем самым от господства к господству [8, с. 86]. Тело же оказывается непосредственно втянутым в ряд сменяющих друг друга режимов, которые его приспособливают, оно разрывается ритмами работы, отдыха и празднеств, оно отравляемо ядами – пищей, ценностями, вкусовыми пристрастиями и нравственными законами одновременно.

«Тело – это начертательная поверхность событий», отражающая воздействие анонимной власти [8, с. 87].

Литература

1. Автономова Н. С. Фуко М. // Современная западная философия: Словарь / Сост.: Малахов В. С., Филатов В. П. – М., 1991.
2. Власть // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001.
3. Ильин И. Мишель Фуко – историк безумия, сексуальности и власти // Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996.
4. «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001.
5. Сокулер. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени // Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Санкт-Петербург, 1997. 576 с.
6. Тереза де Лауретис. Риторика насилия. // Антология гендерной теории. Мн., 2000.
7. Фуко М. Дисциплинированное общество в кризисе // Интеллектуалы и власть: избранные полит. статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С. И. Офертаса под общей ред. В. П. Визигина и Б. М. Скуратова. – М., 2002.
8. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. – Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996.
9. Фуко М. Нужно защищать общество. // Интеллектуалы и власть: избранные полит. статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С. И. Офертаса под общей ред. В. П. Визигина и Б. М. Скуратова. – М., 2002.
10. Фуко М. Око власти. // Интеллектуалы и власть: избранные полит. статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. С. И. Офертаса под общей ред. В. П. Визигина и Б. М. Скуратова. – М., 2002.
11. Фуко М. Послушные тела // М. Фуко Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Пер. с фр. Вл. Наумова. Под ред. И. Борисовой. Изд. «Ad Marginem», М., 1999.
12. Фурс В. Н. Основоположения критической социальной теории в свете концепций Хабермаса и Фуко. // Фурс В. Н. Контуры современной критической теории. – Мн.: ЕГУ, 2002.